
ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 008:316.42

С. А. Никольский <https://orcid.org/0000-0003-2202-2043>

Крестьянин на войне и в советском концлагере (в размышлениях В. Быкова, А. Солженицына, В. Шаламова)

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-011-00278

«Мировоззрение российского земледельца в контексте задачи укрепления народного единства»

Для цитирования: Никольский С. А. Крестьянин на войне и в советском концлагере (в размышлениях В. Быкова, А. Солженицына, В. Шаламова) // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 5 (116). С. 202-207.
DOI 10.20323/1813-145X-2020-5-116-202-207

Крестьяне, как и люди из иных социальных слоев, на войне или в советском концентрационном лагере, по крайней мере некоторое время, живут своим прошлым опытом, воспоминаниями, выработанными в прошлой жизни, привычками и стереотипными формами поведения. Также оказывается, что прошлое может быть важным подспорьем в выработке героической системы отношений к врагу или в необходимом для выживания терпении. Об этом пишет Василь Быков в повести «Знак беды», а Андрей Платонов, к примеру, в рассказе «Офицер и крестьянин». Но прошлое определяет поведение крестьянина и тогда, когда он не может освободиться от того тягостного и разрушительного, что в нем оставила прежняя жизнь. И в этом случае он, предавая перед лицом врага себя, своих родных и друзей и, в том числе, собственное будущее, оказывается врагом своего народа и, в конечном счете, гибнет позорной смертью. Об этом повести Василя Быкова «Сотников» и «Журавлиный крик». Жизнь крестьянина в лагере, если судить по повести Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича», оказывается более простой, чем у людей, не приспособленных к тяжелому труду. Порой этой жизни даже свойственен своего рода энтузиазм. Но такого рода наблюдение не подтверждает Варлам Шаламов, наблюдавший быструю нивелировку человека из любой социальной группы в получеловека, типичного заключенного-доходягу. Прав Солженицын или Шаламов? Вероятно, правда у каждого своя. Но сходятся они в одном – неприятии и проклятию советского тоталитаризма.

Ключевые слова: человек, крестьянин, война, лагерь, тоталитаризм, героизм, предательство, история, культура.

HISTORICAL ASPECTS OF THE STUDY OF CULTURAL PROCESSES

S. A. Nickolsky

A peasant at war and in a soviet concentration camp (in Vasil Bykov, Alexander Solzhenitsyn and Varlam Shalamov's reminiscences)

Peasants, like people from other social strata, in the war or in a soviet concentration camp for at least some time live with their past experiences, memories, habits and stereotyped behaviors. It also turns out that the past can be important aid in developing a heroic system of relations with the enemy or in the necessary patience for survival. Vasil Bykov writes about this in the story «The sign of trouble», and Andrey Platonov, for example, in the story «The officer and the peasant». But the past can and does determine the behavior of the peasant even when he cannot free himself from the painful and destructive things that his former life has left in him. And in this case, he betrays himself, his family and friends, including his own future, in the face of the enemy, turns out to be an enemy of his people and eventually dies a shameful death. Vasil Bykov wrote about it in his stories «Sotnikov» and «Crane cry». According to Alexander Solzhenitsyn's novel «One day of Ivan Denisovich», the life of a peasant in a camp is simpler than that of people who are not adapted to hard work. Sometimes this life is even characterized by a kind of enthusiasm. But this kind of statement is not confirmed by Varlam Shalamov, who observes the rapid leveling of a person from any social group into

a semi-human, a typical worn out prisoner. Who is right – Solzhenitsyn or Shalamov? Probably everyone has their own truth. But they agree with one thing – the rejection and curse of soviet totalitarianism.

Keywords: man, peasant, war, camp, totalitarianism, heroism, betrayal, history, culture.

* * *

Тема поведения на войне отдельной социальной группы в художественной философии о войне и советском концентрационном лагере представлена сравнительно мало. И если говорить о войне, то исключение, пожалуй, составляет философская проза Андрея Платонова, о которой шла речь в первой статье на эту тему [Никольский, 2020]. Однако даже этому большому писателю не удалось охватить ее в широком диапазоне, включая личные истории персонажей. У Платонова крестьянин хотя и несет в себе свое прошлое, но его прошлая жизнь присутствует лишь в «свернутом» виде и читатель может угадать ее по отдельным деталям.

По-иному крестьянин на войне видится Василию Быкову. И это широкое видение связано с прошлым деревни, прежде всего с периодом коллективизации 30-х гг.

Тема белорусского крестьянина на войне представлена Быковым в нескольких произведениях. Героиня повести «Знак беды» Степанида – изработанная, придавленная трудной жизнью крестьянка, ведет свою неявную, без выстрелов и взрывов, но не менее опасную, чем настоящая, войну с расквартированными в деревне гитлеровцами и местными полициями. И нынешняя, Отечественная война, своего рода продолжение ее прежней «мирной войны», когда ради выполнения государственного плана по борьбе с «кулачеством» нужно было разрушить хозяйство и выслать на поселение односельчанина, труженика, чья вина была в нередком, в страду, найме тех, кто о своем хозяйстве заботился не слишком усердно. Тогда Степанида не побоялась идти наперекор властям, голосовала против раскулачивания. Она была так же против и собирала подписи соседней за освобождение арестованного председателя, который не проявил рьяности в выполнении государственного плана по ссылке «кулаков». И теперь она тоже не может молчать, не желает угождать обосновавшимся на постой в ее доме и дворе оккупантам, грабящим ее сельчанам-полицаям. «...С детства она не умела насилловать себя, поступать вопреки желанию, тем более унижаться; нужных для того способностей у нее никогда не было, и она не знала даже, как это можно – ладить с немцами, особенно если те вытворяют такое. То унижение, которому они подвергли ее при первом появ-

лении, не давало ей настроиться иначе, чем неприязненно, дальнейшее же и подавно вызвало у нее возмущение и ненависть к ним» [Быков, 2010, с. 393–394].

Действия крестьянки не несут в себе какого-то существенного для врагов урона. Она – то выбрасывает в колодезь украденную у немцев винтовку, то выменивает у соседа неразорвавшуюся бомбу в надежде когда-то и как-то ее взорвать. Но для художественного изображения высказываемой автором философской идеи человеческого достоинства обязательность военной целесообразности или результативности совершаемых поступков не требуется.

Ровно так же практический результат не требовался Быкову в изображении подвига лейтенанта Ивановского в повести «Дожить до рассвета». В ней советский офицер вначале нацелен на обнаружение и уничтожение большого фашистского склада с боеприпасами, затем – на подрыв гранатами штаба, потом – на подрыв автомашины с важным генералом. В финале же перед ним на дороге оказываются всего лишь два немецких солдата-обозника. Однако от этого подвиг не перестает быть подвигом.

О том, что Степаниде нужна была недюжинная смелость, говорит ситуация, нетипичная для других оккупированных территорий. Не только в западных регионах Украины и Белоруссии, присоединенных к СССР накануне войны, но и в центральных и восточных белорусских областях в это время было много мужчин, сотрудничавших с фашистами по причине ненависти к советской власти, силой загнавшей их в колхозы, а также в надежде вновь получить, хотя бы и от немцев, свой собственный клочок земли. Свидетельство об этом широком явлении находим, в частности, и в исследованиях о войне С. А. Алексиевич, сделанных на основе воспоминаний белорусов, переживших войну: «...я всю жизнь прожила в стране полицаяв. А что такое Беларусь, вашему? Тысячи белорусов служили в полиции. Не надо думать, что у нас все уходило в партизаны и только отдельные предатели. ...Помню, когда я опубликовала самые первые рассказы – а собрала я их уже много, долго ездила по стране, – десятка два знаменитых партизан написали в Конституционный суд, что я оболгала Великую Победу и партизанское движение. Так что всю правду

можно будет рассказать лишь со временем, когда не останется свидетелей. ...Ведь кто такие партизаны? Они ведь далеко не сразу сложились в какое-то подобие военных отрядов. Поначалу это просто были полубандитские группы. Просто мужики с оружием, вот и все. Хорошо, если во главе оказывался бывший окруженец с нормальными взглядами, а так-то... Помните, у меня в книге «Время секунд-хенд» есть история про Розочку? Восемнадцатилетнюю еврейскую девушку прислали из Москвы, она была связисткой. С ней спали все партизанские командиры, а потом, когда она забеременела, просто пристрелили на опушке. Вся моя деревенская жизнь состоит из этих рассказов» [Алексиевич, 2020]. И хотя в окружении Степаниды в деревне много полицаяв и предателей, она всему этому противостоит. Крестьянка защищает свой дом, запираясь в нем от врагов и сгорая вместе с ним.

Тема крестьянина на войне в связи с темой предательства присутствует и в повести В. Быкова «Журавлиный крик». В ней читатель находит образ солдата Пшеничного – парня из крестьянской семьи, раскулаченной в недавнюю коллективизацию. Оставшись без родителей и мечтая стать советским, «как все», он много лет пытается создать себе новый облик, освободиться от тягостного, клеймом выступающего на нем прошлого, в котором нет его личной вины. Однако бдительная советская власть каждый раз это клеймо обнаруживает и водворяет обманщика на полагающееся ему место внизу общественной лестницы (При анализе советской эпохи А. А. Зиновьев приводит свою интерпретацию знаменитой формулы Максима Горького «Если враг не сдается, его уничтожают»). И поскольку она применима к рассматриваемой ситуации, приведу ее: «Если кто-нибудь попадет, его уничтожают» [Зиновьев, 1976]). На фронте Пшеничный назначен в группу из пяти бойцов, которая должна прикрыть отход основных сил красноармейцев. Но он рассчитывает перейти к немцам и ждет для этого подходящего момента. Среди врагов советской власти и, следовательно, возможных друзей он мечтает наконец переменить горькую судьбу, стать хозяином земли и собственной жизни. Но случай распоряжается по-своему, и немцы Пшеничного убивают.

В повести среди бойцов заслона, кроме Пшеничного, есть еще один предатель. Это бывший курсант-красноармеец Овсеев. Для него собственная цель выжить любой ценой оказывается важнее часто фальшивых ценностей советского общественного блага. Многие ценности строя, которые

курсанту-комсомольцу намеревалось привить тоталитарное государство и которым надлежало трансформироваться в подлинные ценности боевого товарищества, далеко не всегда свое назначение выполняли. Ценности абстрактного интернационализма или солидарности с мировым пролетариатом, верности партии как «чести и совести эпохи» вступали в противоречие с жизнью, не выдерживали проверки реальностью, с примерами сторонящихся фронта политических начальников разного калибра и зримой массы фашистов, ведущих свое происхождение из немецких, родственных русским пролетариям, рабочих и крестьян. Личных же оснований для защиты своей Родины политические начальники в Овсееве не взрастили, и сам он их в себе не сформировал.

В быковской повести из пяти персонажей – бойцов заслона – двое оказываются предателями. Видимо, и в самом деле прошлая кровавая история советского строя, равно как и его заикленность на «единственно верной идеологии» при игнорировании великих ценностей культуры, обнаружили на войне свое подлинное лицо, далекое от расчетов власти.

Не всегда явно, но все же можно догадаться и о скрытых размышлениях еще одного предателя, бойца партизанского отряда старшины Рыбака в повести Быкова «Сотников». В ней – непростые раздумья автора о попытках выжить попавшего в плен крестьянина-солдата. Вероятно, среди товарищей в отряде он был хорошим партизаном, как наверняка был умелым работником в колхозе. Вот только вряд ли стал он таковым только по своей доброй воле. Скорее – от безысходности, приспособившись, понимая, что иначе – ссылка или даже смерть. Хитростью, «оружием слабых» привык брать. Вот и попав в плен, он снова пытается прибегнуть к этому спасительному способу, вызывается стать полицаем, как ему кажется, на время, до первого представившегося удобного случая, когда можно будет перейти к своим. Решение это вызревает из его прошлого жизненного опыта. Рыбак надеется, что, как и раньше, его спасет хитрость. Ведь в жизни выживает тот, кто лучше умеет хитрить [Быков, 2010, с. 191].

Связь человека с прошлым опытом жизни в полной мере относится к крестьянину на войне. А каков он в другой экстремальной ситуации, в советском концентрационном лагере? Портрет вчерашнего воина, а сегодня узника ГУЛАГа, каковых, как известно, были сотни тысяч, рисует Александр Солженицын в повести «Один день Ивана Денисовича». Опубликованная лишь в

1962 г. по специальному решению Политбюро ЦК КПСС и под давлением ее тогдашнего вождя Н. Хрущева повесть, при всей ее мягкости в сравнении с документальной прозой Варлама Шаламова [Поезд Шаламова ... , 2017], вызвала в общественном мнении СССР шок, а среди сталинистов неприкрытую ненависть. И это при том, что заключенные лагеря, описанного Солженицыным, это чуть не отдыхающие на курорте в сравнении с калымскими лагерями, описанными Варламом Шаламовым. Так, они могут не выходить на работу уже при минус тридцати пяти, в то время как в калымском лагере они работают и при минус пятидесяти пяти, когда плевок замерзает в воздухе. Да и сам их труд видится более легким, а рабочие нормы у солженицынских героев в сравнении с героями Шаламова меньше.

Солженицынский Иван Денисович – потомственный крестьянин, мастер на все руки, и в лагере оказывается одним из самых востребованных, умелых и, что почти невероятно, иногда даже выступает как передовик-энтузиаст, до самозабвения увлеченный работой. «Мастерком захватывает Шухов дымящийся раствор – и на то место бросает и запоминает, где прошел нижний шов (на тот шов серединой верхнего шлакоблока потом угодить). Раствора бросает он ровно столько, сколько под один шлакоблок. И хватает из кучки шлакоблок (но с осторожкою хватает – не продрать бы рукавицу, шлакоблоки дерут больно). И еще раствор мастерком разровняв – шлеп туда шлакоблок! И сейчас же, сейчас его подровнять, боком мастерка подбить, если не так: чтоб наружная стена шла по отвесу, и чтобы вдлинь кирпич плашмя лежал, и чтобы поперек тоже плашмя. И уж он схвачен, примерз.

...Пошла работа. Два ряда как выложим да старые огрехи подровняем, так вовсе гладко пойдет. А сейчас – зорче смотреть! И погнал, и погнал наружный ряд к Сеньке навстречу. И Сенька там на углу с бригадиром разошелся, тоже сюда идет. Подносчикам мигнул Шухов – раствор, раствор под руку перетаскивайте, живо! Такая пошла работа – недосуг носу утереть. Как сошлись с Сенькой да почали из одного ящика черпать – а уж и с заскребом.

Раствору! – орет Шухов через стенку.

Да-е-мо! – Павло кричит.

Принесли ящик. Вычерпали и его, сколько было жидкого, а уж по стенкам схватился – выцарапывай сами! Нарастет коростой – вам же таскать вверх-вниз. Отваливай! Следующий! Шухов и

другие каменщики перестали чувствовать мороз» [Солженицын, 1990, с. 62].

Отбывший уже более восьми из определенных ему десяти лет Шухов, в противоположность героям Шаламова, уже задумывается о будущем и перебирает варианты возможной работы, загодя отказываясь от прибыльного дела трафаретного изготовления «ковров» из старых простыней. Он, значит, сохранил в себе самоуважение и чувство собственного достоинства, чего нельзя сказать о шаламовских персонажах.

Мне не известна реакция В. Шаламова именно на этот текст, но, судя по его разговорам с Солженицыным по поводу правдивости изображаемого им (например, упоминаемого кота возле лагерной столовой, на что Шаламов говорил, что в лагере кота давно съели бы), передаваемая Шаламовым общая лагерная атмосфера принципиально исключает любое подобие увлеченности работой и тем более «стахановского» энтузиазма.

В «Калымских рассказах» В. Шаламова нет специального рассмотрения поведения в лагере крестьян. Прошлое большинства персонажей скрыто под личиной заключенного, в лагерной жизни все они – как бы один общий социальный тип. Однако иногда крестьянское прошлое все же проглядывает и дает возможность судить о себе. Таков герой рассказа «Серафим».

О его прошлом деревенском житье не сказано ничего. Однако в контексте темы крестьянина в лагере персонаж интересен своим первым непосредственным контактом с реальностью за колючей проволокой. После размолвки с женой Серафим уезжает на Дальний Восток в надежде залечить душевные раны. Работая вольнонаемным в технической лаборатории, он не только никогда близко не сходит с заключенными, но даже не разговаривает с ними. И его встреча с лагерной жизнью происходит случайно: поехав в другой поселок, он забывает взять с собой паспорт и без документов оказывается в руках тамошней охраны. За шесть суток, пока за ним для опознания не приезжает начальник лаборатории, он успевает познакомиться всего лишь с одной стороной жизни лагерников. Его избивают и обворовывают охрана, его помещают под арест. В карцере у него отбирают одежду воры, в качестве еды ему дают триста граммов плохого хлеба и кружку воды в сутки. И это при том, что в заточении довольно тепло и его не посылают на работы.

Вернувшись к себе в лабораторию, Серафим впервые заговаривает с заключенным, бывшим инженером, спрашивая, как же они живут. Ответ –

сгусток описания сути жизни в лагерном аду. «Жизнь арестанта – сплошная цепь унижений с того момента, когда он откроет глаза и уши и до начала благодетельного сна. Да, все это верно, но ко всему привыкаешь. И тут бывают дни лучше и дни хуже, дни безнадежности сменяются днями надежды. Человек живет не потому, что он во что-то верит, на что-то надеется. Инстинкт жизни хранит его, как он хранит любое животное. Да и любое дерево, и любой камень могли бы повторить то же самое. Берегитесь, когда приходится бороться за жизнь в самом себе, когда нервы подтянуты, воспалены, берегитесь обнажить свое сердце, свой ум с какой-нибудь неожиданной стороны. Сосредоточив остатки силы против чего-либо, берегитесь удара сзади. На новую, непривычную борьбу сил может не хватить» [Шаламов, 2013, с. 149]. Серафиму не хватает сил уже после первого знакомства с настоящей лагерной жизнью. К тому же он получает письмо, в котором жена извещает о разводе. И он убивает себя.

Исключительный случай? Вряд ли. Шаламов свидетельствует, что после двух-трех недель лагерной жизни практически все заключенные перестают быть людьми. Несколько дольше держатся «церковники и националисты». Дальше человек существует в качестве своего подобия, и, если ему не повезет быть назначенным на должность какого-либо лагерного «прикурка» – от хлебореза до заведующего библиотекой, он через полгода-год умрет на лесоповале или в забое. Судьба крестьянина здесь отличима от судьбы человека из другого слоя, например, интеллигента, может, только одним: менее содержательными, но от этого не менее разрушительными воспоминаниями.

* * *

Как и люди из иных социальных слоев, крестьяне на войне или в лагере по крайней мере некоторое время живут своим прошлым опытом, воспоминаниями, выработанными в прошлой жизни привычками и стереотипами. Но постепенно они сглаживаются, отходят на второй план и, возможно, вовсе исчезают. И если люди не погибают, то возникают новые характеры, новое сознание, новые формы поведения. И если это и происходит, то следы прошлого каким-то образом сосуществуют с настоящим. Но этого художественная философия о войне нам не сообщает.

Библиографический список

1. Алексиевич С. «Нас учат только тому, как умереть за Родину». Интервью // Медуза. 18.02.2020. URL: <https://meduza.io/feature/2020/02/18/ya-vsuyu->

[zhizn-prozhila-v-strane-politsaev?utm_source=facebook.com&utm_medium=share_fb&utm_campaign=share&fbclid=IwAR2RIhrx6fWzYB052J2nJ1gSEw9GBLxNXa8M4DLuAoF3s9a8NYOcnt65GF0](https://meduza.io/feature/2020/02/18/ya-vsuyu-zhizn-prozhila-v-strane-politsaev?utm_source=facebook.com&utm_medium=share_fb&utm_campaign=share&fbclid=IwAR2RIhrx6fWzYB052J2nJ1gSEw9GBLxNXa8M4DLuAoF3s9a8NYOcnt65GF0) (Дата обращения: 02.06.2020).

2. Быков В. В. Дожить до рассвета. Москва : Эксмо, 2010. 1040 с.

3. Быков В. Долгая дорога домой // Дружба народов. 2003. № 8. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2003/8/dolgaya-doroga-domoj.html> (Дата обращения: 19.08.2020).

4. Варлам Шаламов в свидетельствах современников. Москва : Личное издание, 2012. 568 с.

5. Есипов В. В. Шаламов. Москва : Молодая гвардия, 2012. 346 с.

6. Журавина Л. В. У времени на дне: Эстетика и поэтика прозы Варлама Шаламова. Москва : Флинта, Наука, 2013. 232 с.

7. Зиновьев А. А. Зияющие высоты. Лозанна : L'Age d'homme, 1976. 561 с.

8. Михайлик Е. Незаконная комета. Варлам Шаламов: опыт медленного чтения. Москва : Новое литературное обозрение, 2018. 376 с.

9. Никольский С. А. Крестьянин на войне в философской прозе Андрея Платонова и Виктора Астафьева. Статья первая // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 4. С. 163-168.

10. Островский А. В. Солженицын: прощание с мифом. Москва : Яуза, Пресском, 2006. 736 с.

11. Поезд Шаламова. Проблемы российского самосознания: судьба и мировоззрение В. Т. Шаламова (к 110-летию со дня рождения): материалы 14-й Международной научной конференции Института философии РАН с регионами России. Москва : Голос, 2017. 185 с.

12. Сиротинская И. П. Мой друг Варлам Шаламов. Москва : ООО ПКФ «Алана», 2006. 199 с.

13. Солженицын А. И. Один день Ивана Денисовича. Москва : Изд. центр «Новый мир», 1990. 224 с.

14. Чалмаев В. А. Александр Солженицын: Жизнь и творчество. Москва : Просвещение, 1994. 285 с.

15. Шагалов А. Василь Быков. Повести о войне. Москва : Художественная литература, 1989. 301 с.

16. Шаламов В. Собр. соч. в 6 т. Т. 7 доп. Т. 1. Москва : Книжный Клуб Книговек, Терра, 2013. 672 с.

Reference list

1. Aleksievich S. «Nas uchat tol'ko tomu, kak umeret' za Rodinu». Interv'ju = We are taught only how to die for our homeland». Interview // Meduza. 18.02.2020. URL: https://meduza.io/feature/2020/02/18/ya-vsuyu-zhizn-prozhila-v-strane-politsaev?utm_source=facebook.com&utm_medium=share_fb&utm_campaign=share&fbclid=IwAR2RIhrx6fWzYB052J2nJ1gSEw9GBLxNXa8M4DLuAoF3s9a8NYOcnt65GF0 (Data obrashhenija: 02.06.2020).

2. Bykov V. V. Dozhit' do rassveta = Live until dawn. Moskva : Jeksno, 2010. 1040 s.
3. Bykov V. Dolgaja doroga domoj = Long road home // Druzhiba narodov. 2003. № 8. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhiba/2003/8/dolgaya-doroga-domoj.html> (Data obrashhenija: 19.08.2020).
4. Varlam Shalamov v svidetel'stvah sovremennikov = Varlam Shalamov in the testimony of contemporaries. Moskva : Lichnoe izdanie, 2012. 568 s.
5. Esipov V. V. Shalamov = Shalamov. Moskva : Molodaja gvardija, 2012. 346 s.
6. Zhuravina L. V. U vremeni na dne: Jestetika i poetika prozy Varlama Shalamova = At the bottom: Aesthetics and poetics of prose Varlam Shalamov. Moskva : Flinta, Nauka, 2013. 232 s.
7. Zinov'ev A. A. Zijajushhie vysoty = Gaping heights. Lozanna : L'Age d'homme, 1976. 561 s.
8. Mihajlik E. Nezakonnaja kometa. Varlam Shalamov: opyt medlennogo chtenija = Illegal comet. Varlam Shalamov: experience of slow reading. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 376 s.
9. Nikol'skij S. A. Krest'janin na vojne v filosofskoj proze Andreja Platonova i Viktora Astaf'eva. Stat'ja pervaja = Peasant in the war in philosophical prose Andrei Platonov and Viktor Astafiev. Article One // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2020. № 4. С. 163-168.
10. Ostrovskij A. V. Solzhenicyn: proshhanie s mifom = Solzhenitsyn: farewell to the myth. Moskva : Jauza, Presskom, 2006. 736 s.
11. Poezd Shalamova. Problemy rossijskogo samoznanija: sud'ba i mirovozzrenie V. T. Shalamova (k 110-letiju so dnja rozhdenija) = Shalamov's train. Problems of Russian identity: the fate and worldview of V. T. Shalamov (on the 110th anniversary of birth) : materialy 14-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii Instituta filosofii RAN s regionami Rossii. Moskva : Golos, 2017. 185 s.
12. Sirotinskaja I. P. Moj drug Varlam Shalamov = My friend Varlam Shalamov. Moskva : OOO PKF «Alana», 2006. 199 s.
13. Solzhenicyn A. I. Odin den' Ivana Denisovicha = One day of Ivan Denisovich. Moskva : Izd. centr «Novyj mir», 1990. 224 s.
14. Chalmaev V. A. Aleksandr Solzhenicyn: Zhizn' i tvorčestvo = Alexander Solzhenitsyn: Life and creativity. Moskva : Prosveshhenie, 1994. 285 s.
15. Shagalov A. Vasil' Bykov. Povesti o vojne = Vasil Bykov. Stories about the war. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1989. 301 s.
16. Shalamov V. Sobr. soch. v 6 t. + t. 7 dop. T. 1. Collected works in 6 vols. + m. 7 supplement M. 1. Moskva : Knizhnyj Klub Knigovek, Terra, 2013. 672 s.